

Е. О. Бережанская
(научный руководитель Л. С. Соболева)
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Идеал монастырской жизни и обличение ее духовного упадка в послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь

Аннотация: в статье проанализировано Послание в Кирилло-Белозерский монастырь Ивана Грозного, способы обличения автором пороков монастырской братии и несовершенства правил жизни в обители. Идеал монастырского устройства рассмотрен в противопоставлении упадку христианской жизни в XVI в., с которым борется государь. Монастырь, впуская в свое пространство порок, рискует потерять статус места сосредоточения «Божьей воли», грозит навлечь гнев Господа на остальную землю. Царь высказывает эти мысли, критикуя сложившуюся в обители ситуацию, описывает процесс «внутреннего» разрушения особой атмосферы этого места, привлекая необычные образы и символы. Изучение специфики выражения авторской позиции с целью восстановления христианского идеала монашества – цель данного исследования.

Ключевые слова: Древнерусская литература, Иван Грозный, монастырь, послание.

Родиной монашества является Египет, где первые религиозные общины начали появляться уже в III веке [Кустова, с. 6]. Уже с IV века институт монашества становится центром, аккумулирующим вокруг себя церковную жизнь [Бедина, с. 5]. Монастыри являлись «центром» духовной жизни общества. Отрекаясь от искушений внешнего мира и посвящая жизнь служению Богу, монахи проходили путь «обожения» – максимального приближения к божественному идеалу, состоянию Адама до грехопадения. Через спасение души происходит спасение территории вокруг монастыря, особенно во времена внутренних и внешних конфликтов, смут. Объяснение состоит в том, что когда человек ближе к Богу, то его молитвы достигают небес «быстрее». Монастырь становился местом, где сосредотачивалась «Божья воля». Такая особенная функция делала этот институт важнейшим в средневековом обществе. В сознании средневекового человека жизнь в монастыре представляла собой некую «утопию».

Уходя из мирской жизни, монахи, тем не менее, сохраняли с ней связь. Монастырь являлся «индикатором происходивших в обществе изменений» [Кустова, с. 7]. Он отражал и социальную жизнь страны. Служители приходили в обитель из разных слоев общества: крестьянства, боярства, дворянства. Пестрота монашества отражала пестроту русского общества. Монахи стремились быть рабами не людей, а Господа. Но социальную стратификацию не всегда удавалось преодолеть. Представители разных сословий приносили часть своего мироощущения в повседневную жизнь братии, в том числе и характерные грехи. Как было сказано выше, монах стремился к «обожению», то, что дозволялось мещанину или крестьянину, было непозволительным для монаха. Грехи служителей воспринимались острее, но не всегда были видимы обычному человеку из-за закрытости монастырской общины.

Люди, которые знали об отклонениях в монастырской жизни, могли пойти по двум путям: обличить нравы или показать положительные примеры из религиозной истории. Последнее сделал преподобный Иоанн Лествичник, который «соорудил лестницу из 30 степеней, по которой, достигнув Господня возраста, окажемся праведными и безопасными от падения» [Жития святых на русском языке, с. 594]. Но есть и примеры обличения нравов: произведения Филофея, Максима Грека, Ивана Грозного.

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573) является своеобразным разрушением «утопии» монастыря как образа «рая на земле». Задачи исследования: рассмотреть, как автор выводит читателя на мысли о разрушении этой «утопии», нацеливает на определенную установку о том, как «есть» и как «должно быть» в монастыре; а также рассмотреть специфику образов, используемых Грозным для этого. К теме

творчества царя обращались Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, В. П. Адрианова-Перетц, однако труды были, по большей части, посвящены переписке Грозного с политическими деятелями (Андрей Курбский, Елизавета I, Василий Грязной и т.д.) и развивали тему идиостилия Грозного.

Послание царь отправил в ответ на письмо братии, очевидно, просившую о «наставлении». Послание сохранилось в поздних списках XVII века [Лихачев, с. 281], но первоначальное письмо из монастыря до наших дней не дошло, существование переписки, фактически, можно установить по используемым обращениям: «Как лутче, так делайте! Сами ведаете как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет!» [Послание Ивана Грозного, с. 183]. Исследователи считают, что «непосредственной причиной “смущения” в монастыре была борьба между двумя влиятельными монахами» – Ионой (Иваном) Шереметьевым и Варлаамом (Василием) Собакиным [Послание Ивана Грозного, с. 158] (к слову о том, что монастырь – индикатор общества: само наличие «влиятельных монахов» обнажало смещение социальных устоев в стране). Смущения не прекращались и после прихода нового игумена Козмы (1572), который и стал адресатом послания.

Грозный – политик, дипломат и один из образованнейших людей своего времени, целеустановка произведения – убедить читателя в высказываемых доводах, поэтому с обличения нравов он начинает не сразу. Чтобы разрушить утопию, царю сначала нужно ее воссоздать, «напомнить» читателю о приближенности монастыря к Богу. С первых строк Грозный уже обозначает статус места: пишет он «к пренебесному селению» [Там же]. Интересный выбор слова «пренебесный» отсылает к утопии монастырской жизни как «рая на земле». Такое сравнение убеждает читателя в том, что автор понимает статус обители, увеличивает в адресате чувство вины и стыда в дальнейшем. Для средневекового человека в принципе было характерно «дословное мышление» [Шмидт, с. 165], а поэтому трактовать цитату можно и дословно – совершаются преступления против порядка в монастыре, «при небе, они более остальных заметны для Бога и от этого обретают бо́льшую греховность.

Грозный множество раз прибегает к цитированию, чтобы доказать правдивость своих слов: «кому мне, нечистому и скверному душегубцу, учителю быти?» [Послание Ивана Грозного, с. 159]. Он ищет поддержки у церковных авторитетов. Так, он дважды упрощенно цитирует крылатое выражение из Лествицы: «Свет иноком ангели, свет же мирянам иноки» (слово 26, ст. 31) [Там же]. Средневековый идеал желаемого «Я-в мире» конгениален образу Рая [Бедина, с. 31], а понимание «Я-в мире» монаха можно выявить из четкой и строгой иерархии монастырского уклада, соотнесенную небесной иерархией: иноки – ангелы, в эсхатологии, буквально, вестники Господа. Прямое сравнение с ангелами для читателя послания раскрывает еще один элемент утопии и связанные с ним функции инока в идеале – существо, через которое к миру является воля Бога. Грозный отмечает, что может заслужить прощение Богу «ваших (т. е. монахов) ради святых молитв». Моление монахов направлено не только на прошение о самих себе, но зачастую и о других (важное отличие от церковных прихожан). Оно отражает любовь молящегося к миру, что, в свою очередь, приближает «обожение».

Одним из опорных пунктов программы Грозного является оперирование основными монастырскими уставами: «И святой устав великаго чудотворца Кирила, яко же у вас ведется» [Послание Ивана Грозного, с. 159]. Устав Кирилла Белозерского отличался строгостью: инокам запрещено было иметь личные вещи кроме книг и икон, запрещалось даже утолить жажду в келье; на богослужении были запрещены беседы, разговоры [Православная энциклопедия, с. 320]. Осмысленная аскеза – главнейший принцип монашества, и Грозный это понимает.

Итак, любовь и близость к Богу, стремление к «обожению» посредством молитв о мире, осмысленная аскеза и послушание – основные составляющие монастырской утопии, и если хотя бы одно звено из списка исключается, то утопия «разрушается». Разрушение может происходить «извне» (военные действия, например) и «изнутри», тогда, когда один из принципов намеренно нарушается братией. Пришедшими же из «мира» боярами, а в последствии и другими членами братии, нарушаются почти все принципы, изложенные выше.

Монастырский устав – основа жизни в монастыре. И нарушение единства принципов «обожения» начинается с нарушения устава. Так, Грозный вводит игру слов, утверждая, что Шереметьев вошел в монастырь со «своим уставом»: «Да, Шереметева устав добр – держите его. А Кирилов устав не добр – оставь его» [Послание Ивана Грозного, с. 159]. «Устав» Шереметьева настолько прижился в обители, что государь предостерегает: «да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднится и будут все обычаи мирския» [Послание Ивана Грозного, с. 172]. Если же «обиход», основной ориентир в морали и дисциплине, упразднится, то монастырь уже не будет иметь священный статус сосредоточения Божьей воли, станет «мирским» местом и грозит навлечь гнев Господа.

«А Кирила вам своего тогды как с Шереметевым поставити – которого выше?» [Послание Ивана Грозного, с. 180], – вопрошает государь. Становление боярина в неформального главу обители попирает равенство, основной принцип монастыря. Грозный небезосновательно считает, что неравенство чуждо христианству, нарастает градус изначально скрываемого раздражения автора: «Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? – ино то иноческаго жития нет» [Там же]. В негодование приводит царя то, что над могилой боярина Воротынского построили так называемую «церковь». Грозный снова использует игру слов: «Воротынский в церкви, а чудотворец за церковь!» [Там же], намекая на то, что наследие Кирилла постепенно выходит «за» монастырь. В целом, постройка богатого мемориала отвергает равенство как принцип. Возвращаясь к Шереметьеву, заметим, что он, по словам автора, «сидит в келии что царь» [Послание Ивана Грозного, с. 177]. Боярин именно «сидит», не работает, не молится, а находится в праздности как «царь», его люди живут в обители, прислуживая своему господину. Грозный настойчиво продолжает эту тему, говоря, что опальный Шереметьев имеет влияние «подобно царстей власти» [Послание Ивана Грозного, с. 173], что является едва ли не святотатством, дерзновением по отношению к положению самого автора.

Рассуждая о долге монаха перед людьми и Богом, автор подводит к мысли, что безделье в атмосфере общей занятости заразительно – «ино бо есть единому жити и ино во общемъ житии» [Там же]. Даже один нарушитель порядка грозит разрушить «идеалистический» настрой на аскетичное существование. Шереметьев ввозил в монастырь «пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи» [Послание Ивана Грозного, с. 177], а в монастырской кухне содержал «запасы годовыя всякия» [Там же]. Лихачев заметил, что монах действительно почитался как «непогребенный мертвец» [Лихачев, с. 289], человек, по сути, уже «мертвый» для всего мирского, но находящийся на земле. Употребление же скоромной пищи и вообще переживание в принципе этому образу не соответствуют. Грозный отмечает, что у Шереметева так же проводились «собрания» и настоятельно уже просит «не волновать монастырь» таким поведением. Время, проведенное в собраниях и праздности, должно было быть потрачено на молебны в уединении.

Иван Грозный утверждает, что пишет обличительное письмо не для того, чтобы возвести Шереметьева и иных бояр в опалу, а «монастырьскаго для чину» [Лихачев, с. 194]. И отчасти это так – автор описывает процесс разрушения того идеала монастырской жизни, что был описан в уставе Кирилла Чудотворца, с точностью человека, близкого к этому порядку. Несколько постриженных «опальных» бояр внушают остальной братии мирские порядки, и эта деструктивная тенденция лавинообразно усиливалась. Сквозь поучения и назидания Грозного можно усмотреть искреннее беспокойство о моральном благополучии обители, настолько близкой к нему самому. Государь как человек средневековья верит в зависимость земли от монастыря, к ней прилегающего, служащего сосредоточением «Божьей воли». Именно поэтому Грозный использует резкие, необычные образы, чтобы убедить монахов следовать уставу, сначала идеализированно обрисовывая утопию монастырской жизни, и разрушая ее к середине послания.

Литература

Бедина Н. Н. Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах : дис. ... докт. культурологии. Архангельск: [Б. и.], 2020.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Киев : Свято-Успенская Киево-Печерская лавра, 2004. Т. 3.

Кустова Е. В. Монастыри и монашество в социокультурной истории Приуралья в середине XVI – первой четверти XVIII в. : дис. ... докт. ист. наук. Киров : [Б. и.], 2017.

Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М. : Современник, 1975.

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 2005. С. 162–194.

Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 34.

Шмидт С. О. О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь: (Постановка вопроса) // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1969. Т. 24. С. 163–166.

Berezhanskaya E. O. The ideal of monastery life and denunciation of its spiritual decline in Ivan the Grozny's message to the Kirillo-Belozersky Monastery

Abstract. The subject of the report is the elucidation of the ideal of the monastery system and against this background the decline of Christian life in the 16th century, with what the sovereign had to struggle. The epistle to the Kirillo-Belozersky monastery of Ivan the Terrible, ways of denouncing the author of the vices of the monastic brethren and the imperfection of the rules of life in the monastery are analyzed. The monastery, letting vice into its space, risks losing its status as a place where “God's will” is centered, and threatens to bring the wrath of God upon the rest of the earth. The Tsar expresses these thoughts, criticizing the situation in the monastery, describes the process of “internal” destruction of the special atmosphere of this place, attracting unusual images and symbols. The study of the specifics of expressing the author's position in order to restore the Christian ideal of monasticism is the purpose of this study.

Keywords: Old Russian literature, Ivan the Grozny, monastery, message.